Четыре солнца

В речном, березовом краю,
Где никли беды и печали,
Шальную голову мою
Четыре солнца освещали.

Одно — когда пылал восток,
Плескаясь золотом в откосы
И изливая свой восторг
На высыхающие росы.

Другое — в полдень, в пыль и зной,
Когда над желтым морем хлеба
Несбыточной голубизной
Сияло вымытое небо.

А третье было ввечеру...
Оно усталою рукою
Сгоняло к западу жару...
И ржали кони за рекою.

Четвертым солнцем месяц был.
Звеня, как осторожный бубен, —
Негромкий праздник среди буден —
Он отдаленной песней плыл...

И посейчас, когда во тьме
Я вдруг останусь ненароком, —
От первых дней, как от истока,
Четыре солнца светят мне.

И принял я за аксиому

И принял я за аксиому
Речной волны неспешный бег,
Тропу, спустившуюся к дому,
И на стерню упавший снег.

О них я размышлял немного,
Но, как нарочно, из села
Автомобильная дорога
Меня в дорогу позвала.

Она, как ниточкой, связала
Скопленье сел и городов,
Многоязычный шум вокзалов,
Непостоянство поездов.

В ущельях гулких коридоров
И на эстрадных биваках
Я хрип в высокоумных спорах,
Но оставался в дураках.

О, как могуч ты, дух витийства!
А ты, Природа, так робка...
В душе моей самоубийством
С собой покончила река.

И даже, помню, показалось,
Что снег, упавший на стерню, —
Предосудительная малость,
Которую я зря храню.

Я позабыл бы все на свете
В войне бунтующих словес,
Когда б однажды не приметил
Тропу, вползающую в лес.

Я шел по ней пропащим сыном —
Словесных битв немой пророк...
И шевелил листву осинам
Вечерний тихий ветерок.

Лес начинал уже сквозиться,
Текла река невдалеке.
Я подошел, сказал реке,
Что я не смог переродиться.

Ангарск

Я рассуждал слегка по-барски:
Ну, было место — город стал...
Я мало думал об Ангарске,
Хоть часто в городе бывал.

Из разговоров между прочим
Узнал я, что на первый взгляд
Он кажется похожим очень
На лучший город — Ленинград.

Но я, как местный уроженец,
Скажу (и не заткнут мне рот!):
Ангарск — стеклянный выдвиженец
Из чернолесья и болот.

Я с ним давно знакомство начал...
Ангарск в разливах той весны
Платформой был четырехзначной
Среди подзола и сосны.

Он рос, как юноша двужильный,
Подналегавший на хлеба...
И вот могучий он и сильный.
Завидна у него судьба!

Не разменявшийся на крохи
Быстротекущих мелких дел,
Он принял облик той эпохи,
В которой рос и матерел.

И в этом облике, как блёстка,
Как штрих, венчающий портрет —
Взгляд чистой девочки-подростка
Семнадцати неполных лет.

Ангарск!
Ты принял... Ты не дрогнул,
Впустив знакомую мою
В свои распахнутые стогны
И в биографию свою.

Илимские разговоры

В той экспедиции давнишней
И романтической слегка
Я был тринадцатым и лишним —
За чудака и рыбака.

Не обладающий талантом,
Я бессистемно землю рыл,
Палатку ставил аспирантам
И чай профессору варил.

Археология и древность
Не тяготели надо мной —
Меня одолевала ревность,
Любовь к студенточке одной.

Отчаиваясь и глупея,
Я слёз однако же не лил,
И разговаривал не с нею,
С рекой Илимом говорил.

Илим с водой коричневатой
Был снисходительным врачом:
— Илим, а в чем я виноватый?
Он успокаивал: — Ни в чём!

Давно те речи отзвучали,
В круговорот ушла вода.
Об этой маленькой печали
Я бы не вспомнил никогда.

Но берег дальний, берег дымный
Шум новостройки огласил,
И мой Илим, Илим интимный,
Со всей страной заговорил.

И громовая медь набата,
Как бы стесняясь, приняла
Скороговорку переката
И каплю с юного весла.

* * *

Зажжётся бакен. Старый теплоход
Растает в сизой дымке за излукой.
Прохладный воздух тело обоймет,
Как старый друг пред новою разлукой.

Что отстояло, вызрело в тебе,
Поведаешь окрестностям знакомым,
Береговому яру, городьбе,
Мосткам и молчаливому парому.

Шепнешь «простите», и они простят
Безумную за призраками гонку,
Пустое слово, равнодушный взгляд,
В болотной хляби сгибшую силёнку.

Стоишь... и словно голос подаёт
Товарищ, затерявшийся во мраке,
Чуть слышен уходящий теплоход.
Едва мерцает одинокий бакен.

Из воздуха милой отчизны

Из воздуха милой отчизны,
Из тайных ее родников
Я черпаю силы для жизни
И стройматерьял для стихов.

Не раз помогало мне лето
Теплом, разнотравьем густым...
Ах, как оно, лето, воспето!
Но я все в долгу перед ним.

И осень, и весны, и зимы —
У каждой своя красота:
В крови они бродят, незримы,
И связь их со мной не проста.

Спешу и... спешить не стараюсь
Пить воздух просторов родных,
Некстати порой умиляюсь
Над чудом загадок земных.

Ничто умиленье, а все же
С печалью-судьбой пополам
Оно на веселье похоже,
На мягкий туман по горам.

Байкал впервые

Нет, я этой встречи не алкал.
Жил я просто — думал и трудился,
Мне для строчки ручеек годился,
Ты же — море, голубой Байкал!

Не взыскуя буйственной красы,
От природы ждал я тихих песен,
А тебе простор широкий тесен,
Волны гложут скалы, словно псы.

Крут и неумен баргузин,
Скрылись в тучах сумрачные горы.
Как сильны твои с ветрами споры,
Матери-Сибири гордый сын!

Я нарочно встречи не искал,
Но как счастлив радостью нечаянной!
Здравствуй же, впервые мной встречаемы
И разбушевавшийся Байкал!

Байкал

Все б это мирно рассказалось
За чаркой в дружеском кругу.
Но то, как море замерзало,
Спокойно вспомнить не могу.

Ходило, хмурилось, взмывало,
И, как в предчувствии беды,
Прибоем тяжко грохотало
О грудь береговой гряды.

Броженье волн, страстей броженье —
То злость, то гнев и торжество
Не оставляли и сомненья
В одушевленности его.

Шторм, нарастая ежечасно,
Как грозный вызов, означал,
Что море вовсе не подвластно
Злу сковывающих начал.

Но, обессилев к третьей ночи,
Все тяжелее от пурги,
Смирялось, берег оторочив
Шуршащей полосой шуги.

А утром выйдешь — и застынешь:
Насколько зренья достает —
Немая белая пустыня.
Под ней — течений скрытый ход.

И потому предполагалось,
Что где-то, за грядой гряда,
Превозмогавшие усталость,
Все грызли волны кромку льда.

Бегство в детство

Дочери Татьяне

Солнце от света слепо.
Знойная синева.
Необозримое лето.
Нескошенная трава.

В крапиве непроходимой,
Укрытый со всех сторон,
Самый необходимый —
Нетронутый шампиньон.

Зеленый на низкой грядке
Горох. Сорвал — и молчок.
Самый на свете сладкий,
Невыстреленный стручок.

От зноя изнемогая,
На дно легли облака.
Самая дорогая,
Невысказанная река...

Мне часто чудится бегство,
Когда душа устает,
В светлое солнцем детство,
Единственное мое!..

* * *

Я вновь на этих диких берегах...
Вновь серый галечник скрипит при каждом шаге.
По яру здесь и там, на островах
Тальник качается, склоняясь к тихой влаге.

Спокойно, медленно несет свою волну
Река далекого утраченного детства,
Тумана голубого пелену
Она оставила мне в вечное наследство.

Сквозь этот призрачный голубоватый дым
Я вижу все в неверном освещеньи,
Отжившее я вижу молодым,
А молодое предаю забвенью.

В глазах моих останется навек
Реки родной голубизна немая...
Ее спокойный величавый бег
Как счастье жадным сердцем принимаю.

Хочу я быть задумчивой рекой,
Нести счастливых на спине широкой,
Давать уставшим воду и покой
И укрывать их от борьбы жестокой.

Хочу чтоб вечно на моей спине
На легких лодках плавали мужчины,
А женщины бельем стирали мне
С упругих щек мгновенные морщины.

Хочу я средь высоких берегов
Не красным криком каменных утесов,
А тихим плеском прославлять любовь
И превращать пороги в плесы.

Горная страна

Притихла к ночи горная страна.
Умолк бульдозер, взрывы не грохочут.
Лишь глухо скрипнет старая сосна,
Да филин ухнет или захохочет.

Не ворошу находок и потерь,
Судьбы своей не попрекаю вроде,
В ней ничего не изменить теперь.
Голодный разум отдаю природе.

Вот ко скале притрагиваюсь я.
Скала молчит — отвергнуто и черство
Но не в борьбе ли тверди и огня,
Не в сшибке ль сил — поток ее упорст

Насильно смята в складки и жгуты,
Бунтует плоть немого минерала.
Она собьет оковы немоты
В огранке чистопробного кристалла.

* * *

У горы названье Лоб —
Очень точное названье.
На нее взобраться чтоб,
Надобно иметь старанье.

Но оттуда, свысока
Горы рядом — как горушки,
Как речоночка река,
Деревушки — как игрушки.

Это там я подсмотрел
Даль подальше окоема,
Подсмотрев, не захотел
Жить с родителями дома.

Повлекло туда, где даль
Утопала, как в тумане...
Будет радость иль печаль —
Кто предскажет жизнь заране?

Я бы высчитал судьбу
На высоком этом месте.
Ах, хорош кедрач на Лбу!
Он растет с рябиной вместе.

* * *

Без имени ушедшая во тьму,
Страдальческие губы поджимая,
Явись мне, словно сыну твоему,
Ведь я один тебя и понимаю.
Примером милосердья и любви
Ты навсегда в душе моей осталась.
Война — на фронте пиршество крови,
В тылу — тревога, голод и усталость.
Ты в поле от зари и до зари,
Промокла обувь, рвалась одежонка,
В обед дают картофелины три,
Но ты и их оставишь для ребенка.

Придешь с работы, принесешь воды,
Чугун поставишь на железной печке
— А ну нарежь, — ты скажешь, — лебеды,
А я пока присяду на крылечке.

Работаешь в наклонку... и спина...
Я кину серп, и сам за ним за баню,
Там лебеда всегда росла одна,
Без примесей, как знали мы заранее.

О, лебеда! О, горькая еда!..
Военных лет тылов твоих, Отчизна.
Мне б так хотелось проходить по жизни,
Чтоб этого не видеть никогда.

* * *

Босая, выйдет на крыльцо,
Омытое ночным туманом,
И, изгибаясь тонким станом,
Подставит солнышку лицо.

Прищурясь: «Что за красота!» —
Проговорит она не шибко,
И сядет ласточкой улыбка
На приоткрытые уста.

Потом по шелковой траве
Пойдет, покачиваясь плавно.
Предчувствие дороги славной
Теснится хмелем в голове.

Попробуй-ка пойди за нею,
Скажи ей: только вам одной.
Лишь вздрогнут косы за спиной,
Будто прирученные змеи.

* * *

*В.П.**

Было что-то в ней такое,
Что как за сердце берет,
Отбивает от покоя
И покоя не дает.

Те же руки,те же плечи,
Те же встречи в суете,
Те же очи — человечьи,
Да немножечко не те.

Что-то в тех очах играло,
Как на озере заря.

Не смотрела — одаряла,
Ничего не говоря.

Где ты, милый мой товарищ?
Крепче ль замок, чем шалаш?
Твой подарок не отдаришь
И другому не отдашь.

Не оставить за рекою,
Как ненужное жилье...
Было что-то в ней такое,
Что теперь навек мое.

В.П. — Валентина Пахалина (Аксаментова), жена поэта.*

День

Как будто отступили годы,
И встал над миром вечный день.
Чуть виден ивовый плетень,
Кругом — разлившиеся воды.

Им здесь господствовать — не течь,
И, омывая берег скальный,
И ближний горизонт и дальний
В двойную красоту облечь.

И небо, и земля — одно,
Сомкнулся остров с облаками...
И солнце — раскаленный камень —
Легло на выгнутое дно.

— Ты где, удачливый рыбак?
— Я очутился посередке,
Здесь два луча сошлись у лодки
И не расцепятся никак.

— Ты осторожней весла вдень
И проскользни, незамечаем!..
Проскальзываю... Нескончаем,
Над миром длится этот день.

* * *

Доченьке Анюточке

В межгорье, в лесистом распадке,
По камням, по мху торопясь,
Речушка бежит без оглядки
От мест, где она родилась.

Подумаешь, рада стараться,
А что впереди тебя ждет?
В широкой реке затеряться
Средь бурных и вздыбленных вод?

Но разве ее остановишь?
Стремится речушка туда,
Где вместо случайных становищ
Большие стоят города.

На шумной речной магистрали
Случайно не видели вы
Речушку? Да как ее звали? —
Сейчас и не вспомнишь, увы!..

У домика Лермонтова

Тенгинского полку поручик
Таких молодых еще лет,
Хочу разглядеть вас получше —
Не выйдете ль из дому? Нет?

Не надо мне белой фуражки!
Зачем этот длинный чубук?!
Вглядеться бы в ваши замашки,
В глаза и в движения рук.

Хочу убедиться не в том я,
Какой Вы такой волевой,
А в том, что в чиляевском доме
Живете — как всякий живой.

Ведь Вы за постой заплатили,
Вы приняли несколько ванн,
С Монгó и Лорером острили,
От смеха валясь на диван.

Вы часто встаете до света,
И лошадь вас в горы несет,
Вам бабушка Елизавета
По почте Шекспира пришлет...

Иль выгляньте, шторку откинув,
Хотя б на мгновенье, в окно!
Тот, с длинным кинжалом — Мартынов
отпет и схоронен давно.

Нет отклика. С горем горючим
Россия живет и досель...
Тенгинского полку поручик
Отсюда ушел на дуэль.

Две сосны

Когда родиться — я не рассчитал,
К чему стремиться — ясно не представил.
Была дорога — я ее оставил,
Пошел тропой — в двух соснах заплутал.

Ах, эти сосны во поле пустом —
Корявые обломанные ветки!
Ах, эти сосны, где почиют предки!
Ушедший в землю деревянный дом!

Не знаю, не решаюсь утверждать
Душой немирной, разумом заблудшим:
Волнуясь, жить — у этих сосен лучше?
У этих сосен — легче умирать?!

Неясен мне создателя расчет:
Деревья, горы, пажити и реки.
Над ними время воздухом течет...
И не оно ль бунтует в человеке?

Тому б не отлепиться от сосны,
А он уже под деревом коричным...
Мне, право, быть бы щеголем столичным,
А я в снегах досматриваю сны.

Плутая между сосен, я устал.
Снял сапоги и на скирду взобрался.
Лежал... и все расчетам предавался...
А бог золотозубо хохотал.

* * *

Еще эпоха не настала
На лавры лечь и почивать.
Еще Россия не устала
Большим кочевьем кочевать.

Еще души ее удалой
Суровый век не охладил,
И внятен над землею талой
Широкий плеск незримых крыл.

Еще ремесла и науки
Не сжали в мертвое кольцо
Ее трепещущие руки
И вдохновенное лицо.

Над городами — дух полынный —
Всем запахам наперекор.
Над всей Россиею — былинный,
Всепоглощающий простор.

Ничья ей доля не завидна,
Ничья ей милость не мила,
Ничья обида не обидна,
Ничья хула не тяжела.

Воздаст и правым, и неправым —
Все, что положено, — сполна.
Ей лавр ветвистый не по нраву,
Родней береза и сосна.

Унынье — самый тяжкий грех!

Религиозных норм и правил
Я никогда не соблюдал:
Чужих любил, свою оставил,
Ударили — я сдачи дал.

Не причащался, не постился,
Креста на шее не носил.
Ни разу в церкви не молился
И благодати не просил.

Мне все твои заветы — лишни...
Но если все-таки ты есть,
То я тебя прошу, Всевышний,
Одну молитвишку учесть.

Ни вечной жизни, ни блаженства,
Ни райских кущ в моей судьбе,
Ни почестей, ни совершенства —
Не надо! Все возьми себе!

Молю тебя, Всевышний, ныне
И присно — на виду у всех —
Не накажи меня уныньем!
Унынье — самый тяжкий грех!

Есенину

Как популярно ваше имя!
Примажусь к краешку, притрусь,
Исправлю полымя в полымя
И стих закончу словом «Русь».

Вы не обидитесь, конечно,
Вы — добрый малый, не гордец.
А для меня — моя скворечня,
Моя машина, наконец.

Ведь вы и недругам простили,
Кто долго жил и пил за вас,
Их новые автомобили
И подслащенный их рассказ.

Да, вы при жизни их ругали,
Но вы не знали в ваши дни,
Что вас, как личность, — в идеале —
Раскроют именно они.

А я к вам искренне привязан,
Я полюбил вас без статей,
Без разъяснений и приказов,
И понимаю вас простей.

Позвольте мне ввести в стишата
«Копытит», «просинь» и «кугу»—
Живу на слово бедновато,
А сам придумать не могу.

* * *

Не плачьте, если не признáют
Вас в поэтической судьбе.
Систему люди выбирают
И в творчестве, и в городьбе.

Не личность ваша интересна,
А чувств накал и строй ума,
И если вам споется песня,
Она запомнится сама.

И вы не бейтесь в стены лбами,
Не рассчитав, как труден бег.
Ведь ваш талант и личность —
С вами.
А личность — это человек!

Я бы вышел на эстраду

Я бы вышел на эстраду
И, пожалуй, спел бы, да
Для эстрады-балюстрады
Голова моя седа.

Как заметил Саша Балин,
Мой московский друг и брат,
В общем, я хороший парень,
Только малость хрипловат.

В этом деле — знаю — надо
Быть правдивым до конца:
Не влекла меня эстрада
Даже в звании юнца.

И теперь я не заплачу —
Пусть гитарная струна
Поднимает наудачу
Новых бардов имена.

Сердце жжет и саднит душу
Мне совсем другой мотив,
Буду петь и буду слушать
Я его, покуда жив.

Тот мотив не однозначен,
Он содержит много фраз.
Я как трудную задачу,
Выбираю их для вас.

Так из фраз, из слов, из точек
Строишь — я ведь не ленив...
Вдруг проклюнется листочек
И прорежется мотив!

На рыбалке

Г.Г.

Отпраздную черемухи расцвет,
Рожденье солнца над речным заливом.
На миг застыну в счастье молчаливом,
Приняв лучи как дружеский привет.

О, это утро! Майский холодок.
Косяк гусей, на родину вернувшихся!
Нет среди них отставших и вернувшихся —
Летят, крича, на северо-восток.

Спущусь к реке, раздвинув тальники:
Простор воды — знакомая картина!
Я закидушки торопливо кину,
Подмастерив к ним чуткие звонки.

Сейчас начнет! (Местечко знаменито.)
Вот первая поклевка. Вот и клев.
Уж солнце поднялось на пять голов,
Вошло в зенит... и вышло из зенита.

А мне и дух нельзя перевести.
Пьянит азарт, ладони жжет удача.
И вместо неродившегося плача
Шальная песня рвется из груди.

Пришел восторг, настиг меня как боль,
Та, что внезапно к сердцу подступает...
Горит костер. Ушица закипает.
Тут хлеб. Тут ложка.
Не забыл ли соль?..

Портрет чиновника–формалиста

В обведенном, как циркулем, круге
У него не глаза — гляделки,
Две застывших безжизненных щелки,
А над ними не брови, а дуги.

Уши — два слуховых аппарата,
Подкосившихся из-за проката.
Нос — чихальник, а лоб — покрышка
От того, в чем не видно излишка.

Служит рот и в большом и в малом
То брехальником, то едалом.
Руки — лишний придаток тела —
На столе возлегают без дела.

Перед ним, аккуратен и чист,
Распластался линованный лист.

Газетное стихотворение

В жилище разума и света,
Где вечности горит звезда,
Мне, как газетному поэту,
Открыты двери не всегда.

Помешкав у хрустальных створок,
Спущусь я лестницей крутой
В постылый и любимый город,
Где все просты, и я — простой!

На улицах его нечистых
Встречаю чуть не через шаг
Строителей и журналистов,
Серьезных граждан и гуляк.

Мне их обычаи знакомы,
Ухватки ведомы вполне:
На стадионе, в клубе, дома,
На недостроенной стене.

Я не скажу, что понял душу
Сограждан проходящих тех,
Но кое с кем делил краюшку —
Утраты, веру и успех.

Мечтая о дворце хрустальном,
Я никогда не забывал,
Что некий тип неидеальный
Мне руку помощи подал!

И та не будет позабыта
Квартира — до скончанья лет,
Что послужила мне защитой
От униженья и клевет.

И счастлив буду я, проведав,
Что над газеткой со стихом
Такой Кузьмин или Мамедов
Воскликнет: «Я же с ним знаком!»

Золотой плот

...Сладок мой ранний мед,
Первый мед вдохновенья,
Плывет золотой плот.
Плывет по реке Лене.

На золотом плоту —
Яркую без промашек —
Сам я судьбу сплету
Из голубых ромашек.

Будет моя душа
Пахнуть рекой и лугом.
Люди придут, спеша
Поговорить, как с другом.

Буду я пить нектар
Радостей человечьих:
День, как большой шар,
Смело приму на плечи.

...Зрелый мой мед горчит,
Меньше он пахнет медом.
Плот на мели торчит.
Иду я к берегу бродом.

Ноет плечо и грудь,
Ноги зашиб о камни.
Лечь бы и отдохнуть,
Но отдыхать нельзя мне.

Грех поэта

Меня корили, уличали,
Приписывали мне грехи:
Зазнайка, я об усольчанах
Гнушаюсь сочинять стихи.

«Ему бы речка да рыбалка,
Да тихоструйная вода,
Сказать о людях слово жалко,
А о природе — никогда».

Оно конечно, я согласен,
В стихах пейзажами грешу…
Но этот грех мой не опасен,
Его я с легкостью ношу.

Хабарово поле

Сковав сошник, а не кинжал,
Среди кочующих селений
Хабаров пашню распахал
В глухом урочище, на Лене.

Новооткрытая река,
Скучая в долгом малолюдстве,
Приветствовала мужика,
Трудолюбивого устюжца.

На поле русский злак растет,
И быть бы урожаю вроде...
Но подошел к реке народ
И воевода — при народе.

Что воеводе хлеб ржаной?
Что воеводе это поле?!
Ему бы только зуб морской,
Ему бы сорока собольи.

Был изгнан с пашни Ерофей,
А пашня заросла травою...
Но не из тех он был людей,
Чтобы поникнуть головою.

Вторую Лену он сыскал,
Набрав из пахарей дружину,
И у амурских черных скал
Вспахал другую десятину.

Среди потомков не забыт
Землепроходец и крестьянин:
На твердом камне он стоит,
Задумчив, мешковат и странен...

Когда на желтые поля
Смотрю я, Леной проплывая,
Мне эта древняя земля
Все что-то шепчет, как живая.

Иван — шоферская башка

Сыну Жене

Когда замерзала река,
По зимней дороге, по клину,
Иван — шоферская башка
Гонял сумасшедше машину.

Он сельских людей поражал.
Мне помнятся возгласы эти:
— Иван проезжал? — Проезжал!
— И как я его не заметил!

Он начал дорогу мою
В суровую, стылую зиму:
Я с матерью рядом стою,
А он открывает кабину.

Он ставит сапог на педаль.
Баранку, склонясь, обнимает,
И словно придвинулась даль,
Пихтовые вешки мелькают.

Легка у шофера рука,
Он весел, хоть кажется строгим.
Иван — шоферская башка
Всегда напевает в дороге.

Я вскоре, пригревшись, уснул.
И мне не дознаться вовеки,
На чей огонек он свернул,
Кого попросил о ночлеге.

Он валенки мне подшивал,
Он дратву сплетал на колене.
(На Волге огонь бушевал,
Сжигал города и селенья.

Была она так далека,
Война, где людей не щадили.)
Иван — шоферская башка
Уехал на фронт, говорили.

С тех пор я не видел его.
И что-то в душе моей стынет.
Один поворот... Никого!
Второй поворот... Я в кабине

Лечу... Но не глохнет тоска,
И так мне поверить охота:
Иван — шоферская башка,
Он — там, за крутым поворотом...

Диоген

Солнце жгло и палило,
И знойная марь
Над землей раскаленной дрожала.
Вылез я из-под бочки, зажег свой фонарь
И к глазам его поднял устало.

Тут толпа собралась, засмеялся народ,
Зашумел, закричал что есть силы:
«Посмотрите, зажженный фонарь он несет,
А на небе сияет светило!
Он безумец, наверно, бери его прах!
А бровищи-то! Тучей нависли!»
Я глядел на людей и не видел в глазах
Ни одной человеческой мысли.

Вышел тут из толпы в одеянье худом,
На костыль опираясь, калека:
«Ты зачем среди дня бродишь здесь с фонарем?»
Я ответил:
«Ищу человека!»